

«Референдум» 1940 г. в Бессарабии и политика властей современной Молдавии

Н. В. Бабилунга*

Тот, кому сегодня удаётся манипулировать историческим сознанием народа той или иной страны, обретает возможность в значительной степени управлять его настоящим и даже будущим. Это хорошо просматривается на примере Республики Молдова, где правящий класс с момента выхода этого государства из состава Советского Союза и даже несколько раньше начал «конструировать» собственную версию истории своей страны, преследуя конъюнктурные политические цели. В последние два десятилетия власти в Кишинёве пытаются утвердить государственность Молдавии не как самобытный историко-политический феномен со своей национальной экономической, правовой, политической и социальной системами, со своей неповторимой историей, культурой и традициями, а как неотрывную часть некоего маловразумительного «румынского пространства».

Для реализации этой цели политическая элита взяла под свой полный контроль процесс формирования идеологии государства и общественного сознания, пытаясь создать новую для молдаван идентичность — румынскую, и формализовать молдавскую государственность как часть румынской. Основой этой новой, «молдавской» концепции истории стали четыре ключевых события прошлого.

События 1812 г., которые рассматриваются сегодня не как освобождение народов края от

ига Османской империи, а как насильственное расчленение не существовавшего в то время Румынского государства и аннексия его части Россией.

События 1918 г., которые интерпретируются не как насильственный захват королевской Румынией части территории России — своей союзницы по Первой мировой войне, а как воссоединение Бессарабии с «матерью-родиной» и торжество исторических идеалов «румынизма».

События 1940 г., которые с точки зрения официальной идеологии были просто большевистским грабежом и оккупацией части мирной независимой страны, а образование Молдавской ССР — незаконным и насильственным актом.

События Второй мировой войны, которые подаются как освобождение Бессарабии от советских оккупантов (в 1941 г.) и последующий захват части Румынии Советской армией с установлением антинародного большевистского режима (в 1945 г.)¹.

В этом ряду ключевых и поворотных событий на историческом пути молдавского народа 1940 г. занимает особое место. Парламент Республики Молдова даже принял специальное «заключение» по политико-юридической оценке Советско-Германского договора и Дополнительного секретного протокола к нему, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины². В этом документе среди прочего имеются и такие пассажи: «Настойчивые утверждения

---

* **Бабилунга Николай Вадимович** — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, заведующий научно-исследовательской лабораторией «История Приднестровья».

советской официальной историографии о том, что в Бессарабии в 1918 г. якобы победила советская власть и тем самым она якобы стала составной частью Советского государства, были призваны обосновать экспорт революции и повторную аннексию Бессарабии. Борцам за реализацию так называемых революционных намерений большевиков на этой территории, как и другим борцам за сохранение империи, замаскированным под революционеров, *за редким исключением иной этнической принадлежности (Вид. авт.)*, были чужды жизненно важные интересы сохранения и процветания целостной румынской нации»³.

Столь откровенно выраженная в этом документе позиция кишинёвских властей фактически предоставила Приднестровью весомые юридические аргументы, подтверждающие его право на воссоздание своей государственности наряду с бесспорными историческими, демографическими, экономическими, социально-культурными и прочими фактами.

Этому лживому по своей сути тезису власти Молдавии придают такое огромное значение, что в тех или иных вариациях он повторяется буквально во всех официальных учебниках по «Истории румын», или так называемой «интегрированной истории». Он фактически стал своего рода «священной коровой» всех «научных», учебных и публицистических изданий кишинёвского режима. Его навязывает читателям практически вся его официальная идеологическая машина. Его выдают за откровение, за аксиому, не требующую доказательств. Сомнений в том, что население Бессарабии жаждало процветать и благоденствовать в составе «румынской матери-родины», даже не допускается, и значит, только коварство сталинской России, сговорившейся с гитлеровской Германией, разрушило эту идиллию.

Трудно найти в современной Молдавии хотя бы одно издание, которое не навязывало бы своим читателям с упорством, достойным лучшего применения, именно такой взгляд на события лета 1940 г. Однако фактов, подтверждающих единодушное стремление бессарабцев стать румынами, практически нет. И в поиске аргументов дело доходит до случаев почти анекдотических.

Вопрос о том, с какими чувствами жители Бессарабии встречали Красную армию и с какими провожали уходящих восвояси румын, конечно же, не праздный, тем более что он стал камнем преткновения в современной внутри-

политической жизни Молдавии. Некоторые исторические факты, опубликованные в самых разных независимых друг от друга источниках, свидетельствуют о том, что советские войска перешли Днестр по мосту в Бендерах в 14 ч 28 июня 1940 г. и, согласно плану операции, должны были через два часа быть в Кишинёве. Однако оставшиеся 70 км мотопехотные части прошли за восемь часов и оказались в Кишинёве только в 22 ч. Почему с таким опозданием была выполнена поставленная задача? Из-за сопротивления румын?

Отнюдь! Марш замедлился по совсем другой причине. Уже в ближайшем к переправе селе Кицканы население вышло навстречу советским войскам с красными флагами. У здания пограничного поста при всеобщем ликовании народа был сорван румынский «триколор». В Варнице, Сынжере, Меренах, Кетросах, Тодирештах, Кирке, Калфе и других сёлах, через которые проходила дорога на Кишинёв, молдаване, как во время свадьбы, перегораживали дорогу столами с вином и закусками, останавливали военные колонны и не пропускали их до тех пор, пока солдаты не отведали угощения. Эти встречи перерастали в стихийные митинги, в праздник каждого села. Крестьяне от всей души говорили приветственные речи и тосты. Первые слова были сказаны крестьянином из Кицкан: «Дорогие мои братья! Мы ждали вас! Давно вас ждём! И вы пришли, слава Богу, что пришли. Земля наша выжата, наша жизнь горька как полынь. Земли у нас нет, и жизни тоже не было! Вы пришли, и теперь мы создадим одну семью!»⁴.

Таким образом, в распоряжении историков есть не только сомнительные сведения неких «очевидцев», готовых услужливо «вспомнить» всё, что угодно властям, но и действительно документальные материалы. Они убедительно свидетельствуют о том, какими были в то время геополитические предпочтения населения Бессарабии. Конечно, люди голосовали не на референдуме, поскольку в политической практике той эпохи такие формы опроса населения были достаточно редким явлением, а в условиях разгоравшейся Второй мировой войны — просто невозможными. И тем не менее такой «референдум» практически состоялся. Он был весьма своеобразным: не имея возможности голосовать руками, население «голосовало ногами». Уникальная ситуация последних дней июня 1940 г. предоставила всем жителям Бессарабии

возможность выбора, право самостоятельно решать, с кем связать свою дальнейшую судьбу — с фашистской Румынией или с Советским Союзом. Каждый мог либо уйти в Румынию, присоединившись к обозам румынской армии, администрации, чиновников и священников, беспрепятственно покидавших Бессарабию, либо остаться дома и встретить «оккупационную» Красную армию многодневными праздниками и весельем. Огромное количество бессарабцев, по разным причинам покинувших в годы румынской оккупации пределы края, тоже сделали свой выбор.

Есть ли у нас факты, которые позволяют оценить результаты этого независимого и достаточно объективного «референдума»? Мы полагаем, что в нашем распоряжении есть значительный объём документальных материалов, кстати, хорошо известных молдавским историкам старшего поколения.

Начнём с того, что в 14 ч. пополудни 28 июня 1940 г. Красная армия вошла не в опустевшую страну, брошенную своими жителями, которым ничто не мешало покинуть её вместе с румынами, начавшими своё бегство ранним утром 27 июня. Ещё в течение недели жители края могли свободно покинуть Бессарабию. И такой исход действительно был. И даже немалый, что позволяет современным кишинёвским историкам писать о массовом бегстве «бессарабских румын» от «безбожной власти большевиков». Но в том-то и дело, что бежали не какие-то «бессарабские румыны», а румыны самые что ни на есть настоящие — уроженцы Старого королевства⁵, Мунтении, Олтении, Трансильвании, Баната и пр.

И ведь было кому бежать. После установления монархо-фашистской диктатуры Кароля II в феврале 1938 г. и превращения Румынии в сырьевой придаток агрессивного гитлеровского блока, воинственные настроения в правящей клике достигли максимального накала. В апреле 1939 г. министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку убеждал германского фюрера: «...Что особенно важно, так это не дать распространиться влиянию России на европейские дела»⁶. А в январе 1940 г. румынский король, инспектируя возводимую в Бессарабии линию военно-стратегических укреплений вдоль Днестра, заявил в Кишинёве, что его армия настолько сильна, что может дойти и до Южного Буга, и до самой Москвы. Призывая скорее освободить своих «братьев» в Левобережном

Приднестровье и на Украине, он поручил Генеральному штабу начать разработки конкретных планов операций, рассчитывая, естественно, на помощь Германии и Японии⁷. Проведённые в течение 1939–1940 гг. мобилизационные мероприятия позволили правящему режиму к июню 1940 г. довести численность румынской армии до 39-и пехотных и 4-х кавалерийских дивизий, 12-и артиллерийских полков, не считая других воинских подразделений. На территории собственно Бессарабии было сосредоточено 36 дивизий и 2 бригады⁸.

Кроме военных за Прут хлынули толпы присланных из Бухареста чиновников и членов их семей, колонистов и переселенцев, скупавших за бесценок земли у разорённых крестьян Бессарабии, румынских священнослужителей, коммерсантов, помещиков и просто любителей лёгкой наживы. Не обращая внимания на требования советской стороны, изложенные в ноте от 27 июня 1940 г.⁹, они безнаказанно мародёрствовали, грабили жителей края, а подчас убивали, злобно мстя симпатизировавшим Советам, как когда-то турки мстили им за симпатии к русским. Много ли их было этих мстителей, и сколько среди них было самих бессарабцев?

Американский историк Л. Ф. Шуман ещё в середине прошлого века привёл такие данные: «200 тыс. румын ушли за новую границу и примерно такое же количество пришло в оккупированные районы из самой Румынии». Интересно замечание автора о том, что в «оккупированные» районы, т. е. в Бессарабию, возвращалось много «румын». Объяснить внятно, почему одни «румыны» бежали из «оккупированного» края, а другие туда возвращались, автор так и не смог, отметив лишь, что последние, видимо, просто «предпочитали власть Москвы власти Бухареста»¹⁰. Мы ещё вернёмся к этим странностям «румынам». Но пока зададимся вопросом: а сколько среди бежавших было бессарабцев? Сколько было тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами, т. е. коллаборационистов или белогвардейцев, сводивших старые счёты с большевиками, или просто богатых местных жителей, спасавших свои капиталы и добро?

Молдавский историк П. М. Шорников пришёл к интересному выводу. Он обнаружил, что весной 1941 г. по указанию румынского диктатора Иона Антонеску была проведена перепись всех беженцев из Бессарабии. Всего зарегистрированных оказалось 82 555 человек¹¹. Если

учесть, что статус беженца давал ряд преимуществ и льгот, от которых бежавшие из Бессарабии румынские служащие, торговцы и пр. вряд ли отказывались, то данные Л. Ф. Шумана о 200 тыс. покинувших край явно завышены, поскольку даже зарегистрированные 82 тыс. включали не только истинных бессарабцев, но и часть оккупантов, временно управлявших «туземцами» и грабивших местное население. Во всяком случае, американский историк румынского происхождения Г. Чорэнеску в середине 80-х гг. XX в. подсчитал, что всего Бессарабию покинули и переехали в Румынию в 1940–1941 и в 1944–1945 гг. приблизительно 50 тыс. бессарабцев¹².

Правда, эти данные не учитывают бессарабских немцев. Но это особая история. Когда Москва 26 июня 1940 г. направила в Бухарест упомянутую ноту, германский посол в СССР граф Шуленбург сообщил народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову, что «Германия стоит на принципах Московских соглашений¹³ и не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Её интересует лишь судьба 100 тыс. немцев, проживающих в Бессарабии». Шуленбург к тому же имел инструкции из Берлина информировать советское правительство, что «его решение (бессарабского вопроса. — *Прим. авт.*) явилось полной неожиданностью для германского правительства и что это сильно затронет германские экономические интересы и приведёт к распаду больших немецких поселений в Бессарабии, а также немецких элементов в Буковине»¹⁴. Поэтому 5 сентября 1940 г. Москва и Берлин подписали договор о «репатриации», по которому из Бессарабии выехало в Германию 93 тыс. 548 немцев, проживавших главным образом на юге края. Часть из них стала «пушечным мясом» в войсках СС и вермахте. Семьями бессарабских немцев нацисты заселяли территорию оккупированной Польши¹⁵.

Итак, один поток мигрантов шёл из Бессарабии на Запад. Он насчитывал приблизительно 200 тыс. человек. По большей части это были румынские военные, полицейские, служащие, священники, чиновники и пр., в течение 22 лет колонизировавшие и румынизировавшие коренных жителей, а также управлявшие ими. Примерно четвертая часть из них (около 50 тыс. человек) были коренными жителями края, не пожелавшими жить под властью Советов.

Но был поток мигрантов, двигавшийся и в обратном направлении — в Бессарабию. «Бла-

годеевния» румынского оккупационного режима вынуждали население края к массовому бегству, которое продолжалось весь период иноземного господства. Только за первые 10 лет румынской оккупации эмиграция из Бессарабии в СССР составила 300 тыс. человек, в страны Западной Европы — 150 тыс., в Южную Америку и США — 50 тыс. человек¹⁶. В предвоенное десятилетие число эмигрантов из Бессарабии несколько сократилось, но и тогда они уезжали десятками тысяч.

Очень многие бессарабцы искали спасения от голода и в самом «Старом королевстве». Румыны превратили регион Пруто-Днестровского междуречья не только в источник дешёвого сырья, но и в поставщика дешёвой рабочей силы. Как отмечали сами румынские исследователи в 1938 г., «выход за Прут крайне обнищавших сельских пролетариев и полупролетариев Бессарабии принял особенно значительные размеры»¹⁷. А бухарестская газета «Темпо» в те годы рисовала такую живописную картину: «Ежедневно поезда из Бессарабии выбрасывают на улицы столицы сотни голодающих молдаван, русских, болгар, евреев... В бюро по найму, на улицах, на скамейках в общественных местах, в ночлежках, в окраинных трактирах, под мостами столицы — всюду, где скапливаются эти несчастные, преобладает молдавский язык или русский, смешанный с еврейским... Девушки, женщины, мужчины, бросившие на произвол судьбы свои поля и мастерские в Бессарабии, в поисках работы предлагают себя жителям Бухареста за любую сумму, не за нищенское жалованье, а только за пищу, хотя бы один раз в день»¹⁸. По сведениям Инспектората труда Бессарабии, с 1931 по 1939 г. местные биржи труда трудоустроили за пределами края более 40 тыс. зарегистрированных ими безработных горожан¹⁹. Понятно, что это лишь верхушка айсберга, ибо безработных и разорённых жителей сельской местности никто и не думал регистрировать.

Эти люди, оказавшиеся за пределами родины к июню 1940 г., тоже имели право голоса на том своеобразном «референдуме»: вернуться в Советскую Бессарабию и принять гражданство СССР или остаться в Румынии и в тех странах, куда их забросила судьба. Уже 28 июня 1940 г. в советское посольство в Бухаресте поступило около 250 заявлений от бессарабцев с просьбами о возвращении на родину²⁰. А затем со всех концов Румынии в сторону Прута устремились

потоки людей, направлявшихся домой несмотря на все препятствия и зверства, чинимые румынскими властями.

Американский журналист У. Максвелл, ставший очевидцем этого исхода, писал в статье «Бессарабия», что 28 июня 1940 г. «...в самой Румынии начался немедленный выезд из других румынских провинций молдаван, украинцев и особенно евреев в освобождённые Бессарабию и Буковину... Каждая станция вдоль железнодорожных путей, ведущих в Бессарабию, была полна людей, ожидавших поездов. Те, кто не мог найти другого способа, шли пешком, скрываясь днём в лесах во избежание возвращения (насильственного. — Прим. авт.) назад». По свидетельствам этого журналиста поезда на дорогах, ведущих в Бессарабию, обстреливались, что приводило к многочисленным жертвам²¹.

Одна из таких безнаказанных расправ произошла в Галаце 30 июня 1940 г., где на площади перед железнодорожным вокзалом собралось свыше 2 тыс. докеров, членов их семей и других выходцев из Бессарабии, ожидавших поезда на родину. Площадь была оцеплена румынскими жандармами и солдатами. Людей держали на жаре, лишив воды и пищи, превратив ожидание в пытку. А потом по безоружным людям открыли огонь. Тогда на площади погибли около 600 человек и вдвое больше были ранены²².

Это была неприкрытая месть румын за сочувствие столь ненавидимым ими Советам. Ветеран труда, жительница Бендер Людмила Горенко — участница круглого стола «Бендеры — форпост Приднестровья в переломные моменты истории», проходившего 24 июня 2010 г. в рамках конференции «Июнь 1940 года: Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР» — была очевидицей событий в Галаце, откуда в тот день возвращалась с семьёй на родину. По её словам, крови было так много, что она буквально ручьями заливала мостовые города. Это злодеяние румынских властей, по своей жестокости и масштабности не уступавшее страшным преступлениям гитлеровцев, почему-то осталось почти незамеченным современниками и почти забыто потомками.

Подобные расправы с репатриантами происходили и в Яссах, и в других румынских городах, сёлах и пограничных пунктах. В Яссах, например, 5 тыс. беженцев, возвращавшихся в Бессарабию, были заперты без пищи и воды в небольшом здании городского вокзала, а затем их погрузили в грязные товарные вагоны

из-под угля, которые в пути обстреливались румынами, а на станциях Сокола и Николина были ограблены при полной безнаказанности преступников и попустительстве властей²³. Рабочий Михаил Морозан, насильственно мобилизованный на строительство военных укреплений, а затем вывезенный вместе с другими бессарабцами в Румынию, рассказывал, что, когда они пожелали вернуться домой и объявили об этом, румынский офицер стал собственноручно расстреливать их команду из пистолета перед воинским строем²⁴. Погибли большинство мобилизованных бессарабцев, вся вина которых состояла лишь в том, что они хотели жить в своей стране, а не на чужбине.

Но несмотря ни на что, репатрианты возвращались. Менее чем за месяц в Бессарабию из Румынии вернулось 150 тыс. беженцев, и население региона возросло на 5%. Но и позднее люди ехали в свои покинутые дома, причём не только из Румынии, но и из других стран. К концу 1940 г., когда репатриация в основном закончилась, из-за границы на родину вернулись примерно 300 тыс. бессарабцев, в том числе 220 тыс. из Румынии. Рост численности населения края в эти месяцы составил немногим менее 10%. Характерно, что бессарабские эмигранты, возвращавшиеся в родные места из Франции, Италии, Венгрии и Югославии, в своих обращениях к Советскому правительству буквально умоляли ни в коем случае не реэвакуировать их через Румынию, прекрасно понимая, что их там ожидает²⁵.

Однако вернёмся к тому потоку беженцев, который направлялся из Бессарабии за Прут. Помимо румынских чиновников, жандармов, торговцев, священников и прочих выходцев из Старого королевства, прекрасно осознававших временный характер своего пребывания в оккупированной Бессарабии, преобладали в этом потоке, конечно же, офицеры и солдаты румынской армии. Но покидали они оккупированный край, так и не ставший для них удобным плацдармом для удара по юго-западным территориям СССР, не строем, не с развёрнутыми знамёнами. Они убегали поспешно, разрушая и уничтожая то, что не могли забрать с собой, отбирали у населения скот, продовольствие, ценности, имущество. Деморализация в бегущих войсках, по признанию самих румын, была очень распространённым явлением²⁶. И наиболее явным её признаком стало массовое дезертирство из румынской армии солдат-бессарабцев.

Как фиксировали агенты сигуранцы²⁷, радость и восторг при известии об освобождении Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. «демонстрировались не только в рядах гражданского населения, но и в рядах армии»²⁸. Бессарабцы и буковинцы покидали румынскую армию, скрываясь в лесах, оврагах, плавнях, домах местных жителей, ожидая подхода частей Красной армии. Многие из них погибли от рук румынских карателей, которые облавами, засадами, расстрелами без суда и следствия пытались остановить массовое дезертирство бессарабцев из бегущей армии. Но утратить зверскими расправами не желавших уходить в Румынию местных жителей, служивших в оккупационной армии, было невозможно.

Целые подразделения и даже части королевской армии не доходили до Прута, если большинство в них составляли мобилизованные жители Бессарабии. Солдаты просто бросали оружие и расходились по домам. Так перестала существовать как боевая единица 12-я пехотная дивизия румынской армии. По 3 тыс. солдат не досчитались 7-я и 15-я пехотные дивизии²⁹. Причём солдаты артиллерийского полка бросили в поле всё вооружение и боеприпасы. Многие бессарабцы, служившие на территории самой Румынии, тоже попытались вернуться домой, за что, как уже говорилось, чаще всего расплачивались своими жизнями. Тот же У. Максвелл по этому поводу писал: «Молдавские и украинские солдаты румынской армии убегали при любой возможности. В одной части при переключке румынский офицер приказал желающим возвратиться в Бессарабию сделать шаг вперёд. Надеюсь, что они будут отпущены в освобожденную Бессарабию, 60 солдат вышли вперёд. Они были расстреляны»³⁰.

Только за 10 дней, с 28 июня по 8 июля 1940 г., по данным румынского Генштаба, из румынской армии дезертировали 61 970 военнослужащих, что можно считать рекордным показателем³¹. Едва ли какая-либо другая армия в условиях мира теряла столько солдат за столь малый срок. Возвращаясь к началу нашего повествования, мы вполне можем определённо ответить на загадочный вопрос, который поставил в тупик американского историка А. Шумана и многих других западных — а ныне и кишинёвских, и бухарестских — историков.

Что же это за странные «румыны», часть которых бежала за Прут от Красной армии,

а часть, рискуя жизнью (а нередко и расставаясь с ней), имуществом и здоровьем, рвалась в освобождённые от румын же земли Бессарабии и Северной Буковины?! Эту странность трудно объяснить, если руководствоваться нынешней псевдонаучной версией, что Бессарабия будто бы была и остаётся неотъемлемой частью некой румынской «матери-родины».

Объективные данные свидетельствуют, что подавляющее большинство бессарабцев вовсе не считали себя румынами. Вот почему, за исключением местных коллаборационистов, связанных с оккупантами, из Бессарабии в 1940 г. бежали исключительно «рэгецане» — жители Старого королевства, пришедшие на эти земли как оккупанты, т. е. чиновники и бюрократия, офицерство и жандармы, колонисты и священники, землевладельцы и банкиры, а также солдаты, введённые в край из самой Румынии. Всем этим людям действительно нельзя было оставаться в Бессарабии после её освобождения. Но основная часть населения страны и не думала её покидать, с ликованием и цветами, фруктами и вином встречая воинов-освободителей. Край покинула лишь незначительная часть его уроженцев, численность которых в совокупности (т. е. выехавших и в 1940, и в 1944 гг.) не достигала и 2 % населения³².

С другой стороны, десятки и сотни тысяч жителей края, оказавшихся за его пределами к июню 1940 г., возвратились на родину, в свой освобождённый от ненавистных оккупантов край. Только с июня по декабрь 1940 г. численность населения увеличилась здесь почти на 10 %. И это при том, что из Бессарабии бежали 200 тыс. румын и ещё почти 100 тыс. немцев были репатрированы! При этом очень важно заметить, что вплоть до декабря 1940 г. на Днестре сохранялась временная демаркационная линия, и массовых бесконтрольных передвижений населения с левого берега на правый быть не могло. Учёт пересекавших эту линию был строгим, а потому его цифры для нас весьма показательны. В течение второго полугодия 1940 г. из других союзных республик в молдавские районы бывшей Бессарабии прибыли 11 580 человек, а из Молдавской ССР в другие республики СССР уехали 18 703 человека. К этому можно добавить, что по решению правительства Украины в южной части бывшей Бессарабии расселили приблизительно 12 тыс. поляков и столько же украинцев, бежавших из захваченной фашистами Польши³³.

Таким образом, напрашивается совершенно очевидный и, более того — естественный вывод: тот официально не объявленный «референдум», о котором мы говорили в начале статьи, тем не менее, фактически состоялся. Абсолютное и подавляющее большинство жителей освобождённой Бессарабии и Северной Буковины свой геополитический выбор сделали. Они проголосовали за освободителей, за Молдавию, за Украину — против оккупантов, против Румынии, даже несмотря на то, что платить за такой выбор часто приходилось собственными жизнями.

Ничтожное меньшинство, кучка местных коллаборационистов, землевладельцев и белогвардейцев, имевших с Советской властью старые счёты, сделали другой выбор. Его можно уважать как право меньшинства, но недопустимо вновь и вновь навязывать его народу, навязывать большинству. Политика ставшего в 2010 г. исполняющим обязанности президента Республики Молдова М. Гимпу и возглавляемой им коалиции политических сил представляет собой классический пример такого навязывания. Лично М. Гимпу имеет полное право относить себя к проигравшим Вторую мировую войну гитлеровцам или «железнодорожникам»³⁴. Лично для него, как и для остальных коллаборационистов, 1940 г. в истории молдавского народа может представляться своего рода трагедией. И это можно понять.

Но удивительно другое: Республику Молдова возглавил человек, который вообще не признаёт молдавской государственности и стремится её ликвидировать. Более того, он не признаёт и молдавской нации, молдавской истории, молдавской культуры, языка, самобытности. Его указ об объявлении светлого дня освобождения Бессарабии от румынских оккупантов «Днём советской оккупации» вполне объясняется особенностями его мировоззрения и психики, его стратегических целей и его политики. Это в своём роде уникальный и показательный документ. Поэтому приведём его полностью и *дословно*.

УКАЗ № 376 от 24 июля 2010 г. об объявлении дня 28 июня 1940 г. «Днём советской оккупации»

Принимая во внимание Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного сек-

ретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины, утверждённое Постановлением Парламента № 149-ХІІ от 23 июня 1990 г., в соответствии с которым 28 июня 1940 г. СССР оккупировал силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края, учитывая предложения Комиссии по изучению и оценке тоталитарного коммунистического режима в Республике Молдова, образованной Указом Президента Республики Молдова № 165-V от 14 января 2010 г., отдавая дань памяти жертвам советской оккупации 28 июня 1940 г. и жертвам тоталитарного коммунистического режима и на основании статьи 77 и части (1) статьи 94 Конституции Республики Молдова, Президент Республики Молдова ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Ст. 1. — Объявить день 28 июня 1940 г. Днём советской оккупации.

Ст. 2. — Ежегодно, 28 июня, на территории Республики Молдова отмечать День советской оккупации и памяти жертв тоталитарного коммунистического режима.

Ст. 3. — В этот день во всех населённых пунктах республики:

- a) приспустить государственные флаги;
- b) организовать возложение цветов к могилам, памятникам и мемориалам жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима;
- c) в 10 часов объявить минуту молчания.

Ст. 4. — Органам публичной власти, предприятиям и организациям в этот день отказаться от проведения массовых развлекательных мероприятий.

Ст. 5. — Проводить во всех учебных заведениях, летних оздоровительных лагерях и базах отдыха час памяти.

Ст. 6. — Рекомендовать:

- a) редакциям периодических изданий, информационным агентствам, радиостанциям и телеканалам при выпуске текущих номеров изданий и программ на 28 июня учитывать специфику этого дня;
- b) примэрии муниципии Кишинэу инициировать процедуру воздвижения на Площади Великого Национального собрания перед зданием Правительства памятника жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима.

Ст. 7. — До воздвижения памятника жертвам советской оккупации и тоталитарного коммунистического режима церемонию памяти

и возложения цветов в муниципии Кишинэу проводить на Площади Великого Национального собрания на месте, где 28 июня 2010 г. примэрия временно установит памятный камень.

Ст. 8. — Российской Федерации в качестве правопреемника Советского Союза безоговорочно, транспарентно и в срочном порядке вывести войска и вооружения с территории Республики Молдова.

ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ
ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Михай ГИМПУ

№ 376-V. Кишинэу, 24 июня 2010 г.³⁵

Трудно назвать что-либо больше противоречащее историческим реалиям, чем подобные документы, принимаемые высшими властями республики, принимаемые людьми, исповедующими догмы румынского шовинизма и ненавидящими собственный народ. Надо отдать

им должное — по этому пути они идут твёрдо и последовательно. По инициативе М. Гимпу в Молдавии даже была создана Государственная комиссия по оценке коммунистического режима, и член этой комиссии, некий В. С тэвилэ, уже подсчитал, что Россия должна выплатить в качестве компенсации «ущерба», нанесённого Советским Союзом Молдавии за годы «советской оккупации», около 30 млрд дол.³⁶

Политические цели нынешних властей Молдавии и их политика агрессивного румынизма, очевидно, определяются не в Кишинёве, а в других столицах. Печально, что эти цели и эта политика вступают в глубокий конфликт с миропониманием и менталитетом большинства жителей республики, с этнической и политической самоидентификацией её населения.

А это значит, что Республику Молдова ждут новые трагические катаклизмы, общественное неустройство и гражданское противостояние. При полной неопределённости её политического будущего.

¹ Галинский И. Н. Фальсификация современной политической истории Молдовы в контексте проводимой государственной исторической политики // Общественная мысль Приднестровья. 2010. № 1. С. 4.

² Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова о политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 28 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины № 41 от 28 июня 1990 г. (см.: Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики : сб. офиц. док. / сост. В. Н. Яковлев, Н. В. Бабилюнга, Б. Г. Бомешко. Тирасполь, 1993. С. 75–78).

³ Там же. С. 76.

⁴ Шорников П. М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). Кишинёв, 2010. С. 231, 233.

⁵ Старое королевство (Регатул векь) — территория Румынии в исторических границах до 1912 г. В состав королевства тогда не входили Южная Добруджа, захваченная румынами в ходе Второй Балканской войны 1913 г., и Бессарабия, оккупированная ими в январе 1918 г., а также Трансильвания (Ардял), Банат и Северная Буковина, присоединённые после Первой мировой войны. Румын, уроженцев Регатул векь, бессарабцы называли «регацанами» (см.: Шорников П. М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). Кишинёв, 2010. С. 130).

⁶ Брысякин С. К., Сытник М. К. Торжество исторической справедливости. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1969. С. 136.

⁷ Там же.

⁸ Березняков Н. В., Бобейко И. М., Копанский Я. М., Мурзак У. Г., Платон В. П. Борьба трудящихся Бессарабии за своё освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.). Кишинёв, 1970. С. 710.

⁹ Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ Schuman L. F. Soviet Politics at Home and Abroad. N.Y. 1947. P. 397 (цит. по: Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв : Картя молдовеняскэ, 1974. С. 471).

¹¹ Шорников П. М. Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940–1941 гг. // Советская Молдавия. 1991. № 50. 15 марта.

¹² Там же.

¹³ Речь идёт о Советско-Германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г.

¹⁴ Лазарев А. М. Указ. соч. С. 443.

¹⁵ Шорников П. М. Указ. соч.

¹⁶ Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь : Изд-во Приднестровского ун-та, 2007. С. 263.

¹⁷ Зеленчук В. С. Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинёв : Штиинца, 1973. С. 30.

- ¹⁸ Обейко И., Копанский Я. Двадцать два года героической борьбы. Кишинёв : Партиздат, 1966. С. 10–11.
- ¹⁹ Кустрябова С. Ф. Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918–1940). Кишинёв : Наука, 1977. С. 112.
- ²⁰ История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней Изд. 2-е, перераб. и доп. Кишинёв : Elan Poligraf, 2002. С. 211.
- ²¹ Maxwell W. Bessarabia // Soviet Russia Today. 1940. Vol. 9, №4. August. P. 14, 19 (цит. по: Лазарев А. М. Указ. соч. С. 469).
- ²² Лазарев А. М. Указ. соч. С. 469.
- ²³ История Республики Молдова. Указ. соч. С. 222.
- ²⁴ История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинёв, 1968. С. 354.
- ²⁵ Лазарев А. М. Указ. соч. С. 471.
- ²⁶ В своей книге «Утерянная возможность» бывший генеральный секретарь Министерства иностранных дел Румынии А. Крециану пишет: «Глубокая и широко растространённая деморализация охватила наши войска в период их поспешного отступления» (Crezianu A. The Lost Opportunity. 1st ed. London : Cape, 1957. P. 54).
- ²⁷ С 1921 по 1944 г. — тайная полиция в Королевстве Румыния.
- ²⁸ Crezianu A. Op. cit. P. 472.
- ²⁹ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 2-е. Кишинёв : Картя молдовеняскэ, 1968. С. 246.
- ³⁰ Maxwell W. Op. cit.
- ³¹ Суляк С. Г. Оккупация или освобождение? // Аргументы и факты — Молдова. 2010. № 26 (1547). 30 июня — 6 июля. С. 5.
- ³² По расчётам автора.
- ³³ Шорников П. М. Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940–1941 гг. // Советская Молдавия. 1991. № 50. 15 марта.
- ³⁴ «Железная ныаргия» («Гуара де фер») — фашистская румынская организация, созданная крайними шовинистами в 1931 г. В 1934 г. после организованного ею убийства премьер-министра Румынии Й. Дуки была распущена. Однако продолжала легальную деятельность под названием «Партия — всё для Отечества». После запрещения королём Каролом II всех политических партий перешла на нелегальное положение. После очищения Румынии от фашистского режима в 1944 г. распущена. Возродилась после убийства румынского диктатора Н. Чаушеску.
- ³⁵ Monitorul Oficial. Nr. 107, ст. № 330 // Registrul de Stat (Al Actelor Juridice al Republicii Moldova). URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=335006> (дата обращения: 30.06.2010).
- ³⁶ См.: Историк: «Счёт за советскую оккупацию» — новое обострение массового безумия в Молдавии : интервью // Regnum : информ. агентство. 2010. 23 апреля. URL: <http://www.regnum.ru/news/1277258.html>.